

МОСКВА ПИСАТЕЛЕЙ 1920–1930-Х ГОДОВ

«Радикальные социальные преобразования, как правило, в первую очередь находят свое выражение в переформлении социально-политического пространства» [Куляпин, Скубач, 2005: 8]. Кардинальная перекройка законов времени и пространства 1920-х годов актуализировали противостояние центра и периферии. Массы людей, меняя свое привычное место жительства, стремясь попасть в водоворот жизни, заполняли ядро страны. Тотальный столичный магнетизм, иронически оцененный М.М. Зошенко, был сопряжен с процессом отталкивания. Две пространственные модели – московизация и провинциализация [Паперный, 1996] – в своем структурном отношении восходят к единому противоречивому процессу, где «Москва-центризм» сочетается с «провинция-центризмом» [Куляпин, Скубач, 2005: 11].

В мнимой разделенности мира на столицу и провинцию М.М. Зошенко оказывается на стороне последней. Москва советского фельетониста притягивала и отталкивала одновременно. «Город, как замкнутое пространство, может находиться в двояком отношении к окружающей его земле...» [Лотман, 2002: 208]. Советский мир, нейтрализуя противопоставленность бывшей столицы всей стране («Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия» [Гоголь, 1968: 99]), включает Ленинград в один общий ряд провинциальных городов.

В дневниках Е. Булгаковой (запись от 29 ноября 1936 года) отражена эта пугающая москвичей трансформация. Командированный в Ленинград М.А. Булгаков в 2 часа ночи позвонил по телефону и сказал, «[ч]то поездка неприятная, погода отвратительная, город в этот раз не нравится». И далее от 1 декабря: «Приехал. Ленинград произвел на него удручающее впечатление (и на Мелика тоже). Публика какая-то обветшалая, провинциальная» [Булгаковы, 2001: 257].

Такое понимание города изначально не было принято ленинградскими писателями. В дневниках К.И. Чуковский 25 января 1926 года запишет, что М.М. Зошенко «едет на днях в провинцию, в Москву, в Киев, в Одессу...» [Чуковский, 1991: 363]. Ряд однородных членов включает крупнейшие прославленные города в перечень периферии в анахронической антитезе к столичному Петербургу (ср. «Случай в провинции»). Однако для М.М. Зошенко подобного разрыва социальных изменений с ощущением пространства не существовало.

Собственную периферийность столкнувшийся с первой славой автор подчеркивает уже после переноса столицы России из Петрограда

(1918 г.). Главная особенность жизни 1920-х гг. заключается в том, что «ценности периферии становятся выше ценностей центра. И сознание людей и сами эти люди устремляются в горизонтальном направлении от центра» [Паперный, 1996: 20]. Однако М.М. Зощенко не совершает подобного движения, и в дальнейшем тотальном людском приливе в столицу уклоняется от переезда в Москву.

Внимание к Москве советского фельетониста обусловлено социальными процессами. Кроме М.М. Зощенко, для многих советских писателей Москва становится желанным местом, где «только и можно жить» [Булгаков, 1989-1990: 295]. Апофеозом централизации этого пространства является речь Сталина, назвавшего Москву «образцом всех столиц мира» [Булгаков, 1989-1990: 109]. Обнаруживается тотальная гипертрофия Москвы: «осуществляя власть над периферией, столица вынуждена «транслировать» самое себя повсеместно» [Куляпин, Скубач, 2005: 11]. Главный город становится тождественным всей стране.

Для М.М. Зощенко обнаруживается новый виток противостояния главных городов России. Петербургский миф всегда строился в оппозиции к Москве: «Москва женского рода, Петербург мужского...» [Гоголь, 1968: 98]. Однако в споре столиц еще Н. В. Гоголем был обозначен третий «украинский» голос Киева. М.М. Зощенко снимает прямую противопоставленность Москвы и Петербурга, добавляя в автомифологию новый город – Полтаву.

Рожденный в Петербурге советский прозаик с большой охотой делает Москву наследницей негативной части мифа города на Неве, пытаясь удержать положительную оппозиционность Ленинграда столице. В тотальной московизации писателей, выезжающих в командировки на большие стройки, связанный с провинциальным пространством М.М. Зощенко оказывается, на первый взгляд, вне первостепенных явлений. Однако отдельная глава «История одной перековки» в книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» [Зощенко, 1934] (право на индивидуальное слово в книге получил еще М. Горький, написавший «директивные предисловие и послесловие» [Сухих, 2008: 757]) доказывает лишь особый угол зрения идущего в ногу со временем М.М. Зощенко. Московский же миф для него восходит в структурной основе к парадоксальному петербургскому соединению положительного и отрицательного. В беспокойстве автора о возможном появлении отапливаемых московских трамваев угадывается модель развития столицы, преодолевающей условности города на Неве и в скором времени поглощающей Европу, а в дальнейшем и весь мир (ср. соревнование с Америкой). Поэтому выбранная М.М. Зощенко позиция вне Москвы позволяет писателю чутко реагировать на метаморфозы нового мира.

Необходимо отметить, что противостояние столицы и провинции не ново. Например, у Ю. К. Олеси в дневниковых записях рядовая оппозиция между столицей и провинцией решается стиранием границ за счет того, что столица опускается до уровня провинции: Москву заполнили провинциалы, диктующие свои порядки. Ю.К. Олеша горд был автором МХАТа, но это теперь другой театр. Морис Метерлинк и А.П. Чехов были авторами прошлого (ср. дневниковую запись Ю.К. Олеси о том, что никто не смел даже допустить мысли, что Маяковский может побывать во МХАТе, оценивавшемся как «*знак старья и прошлого*»).

Изменение качества не только театра, но всей столицы беспокоит Ю.К. Олешу, потому что трудно теперь ответить на вопрос: «Где главный город нового мира?». Чтобы преуспеть в чем-либо и перевернуть Землю, надо знать *точку опоры*, определить которую очень сложно в трансформациях бытия.

Понятным в этом плане становится образ Москвы, который создает С.Д. Кржижановский в «Возвращении Мюнхгаузена», где русская столица в представлении окружающих – это мир наизнанку, вверх ногами. Такой мир возвращает к проблеме инфантилизации советской культуры, так как перевернутый мир видит ребенок. Тем интереснее аксиологические мутации: в пику традиционному пониманию подземного мира в качестве inferнального, соцреализм, поэтизируя сферу метро, совершает кардинальный переворот верха и низа. На уровне метродискурса пространство под Москвой прекрасно, оно должно произрасти изнутри и вытеснить привычный образ надземной столицы [Рыклин, 2000].

Москва – сердце Родины – первая претерпевает изменения и диктует правила для всей страны. Само нахождение в этом пространстве тела отца революции свидетельствует об особом статусе столицы. «Табу, налагаемое на человеческое, сообщает сакральному всеохватывающий объем и не оставляет никакого места для профанного (не убегающего в трансцендентность, читай: в «Светлое будущее») существования. В то же время сакральное, будучи омниосакральным, не имея специфицирующей его противоположности, подвергается профанизации» [Смирнов, 2000: 18]. В этой связи центр мира, имеющий иное качество, из мира изымается: «Россия – провинция. И вот где-то над нею – столичность. Столичность – предел устремлений» [Олеша, 2006: 43].

Главной точкой в этом пространстве для одессита Ю.К. Олеси становится самое дорогое питейное заведение города Москвы: «Кафе «Националь» Юрий Карлович довольно часто посещал в свободное время. Он стал тем огоньком, на который бежали люди, представлявшие творческую интеллигенцию Москвы... провести в присутствии Юрия

Карловича вечер считало за счастье бесчисленное множество людей» [Воспоминания, 1975: 61, 126]¹.

Очевидно, ресторан, из окон которого виден Кремль, был выбран писателем не случайно. Ю.К. Олеша занимает позицию дозорного, всегда приглядывающего за советской властью. Двойственное положение, избранное художником, с одной стороны, свидетельствует о его свободе позиционировать себя по отношению к Кремлю стерегущим, с другой, – цепко привязывая к месту, подчиняет обстоятельствам. Князь «Националя» зеркально власти устраивает фееричные застолья, имеющие карнавальную основу и определяющие скоморошно-шутовскую роль писателя.

В «Национале» все знали, кто он, и Ю.К. Олеша оправдывал ожидания, подыгрывая публике: «При нем всегда были папиросы, раздранный коробок спичек и рядом потертый, почти золотистого цвета, некогда коричневый портфель» [Воспоминания, 1975: 100]². Подобное поведение отсылает к образу юродивого, ряд исследователей видит в этом попытку противостоять тоталитарному режиму.

В то же время происходит замена географического пространства идеологическим. Новый мир, хронологически организуя топографическое, замыкается в советском государстве. Простой человек не может пересечь его границы, так как это приведет к изменению статуса. Для Ю.К. Олеша, как и для М.М. Зощенко, невозможность поездки в желанную Европу связана с нежеланием таких изменений. Топика советского мира объясняется в документальной литературе: «...в путевом очерке двадцатых годов возникает бинарное противопоставление своего и чужого (чуждого) пространства, где чужое пространство заведомо негативно и служит для укрепления уверенности в совершенстве своего» [Балина, 2000: 898].

Выехать из советского пространства – значило признать за топосом Европы его чужеродность. Для художников слова обозначение Запад является оценочным, отсутствие перемещения объясняется иным его характером. Топика разворачивается для них в нескольких плоскостях. Подобную аксиологически закрепленную многослойность видит Ю.М. Лотман в русских средневековых текстах: «Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится в небе, нижняя в аду» [Лотман, 1965: 212]. Для Ю.К. Олеша европейское является полюсом позитивного. Однако в парадоксальной устремленности на Запад автор «Зависти» остается в Москве.

Пространственно-временная организация мира мифологизируется. В «Книге прощания» Ю.К. Олеша пишет о том, что

¹ Воспоминания А. Старостина и Л. Никулина. См. также: Ямпольский, 1997: 387.

² Воспоминания С. Герасимова.

нельзя отличить факта от фикции, беллетристики от мемуаров. Происходит слияние искусства и жизни. «Уже к концу 1920-х годов становится все труднее (в функциональном смысле) провести грань между публицистикой и документальной литературой, с одной стороны, и художественной литературой, с другой. <...> Функциональное сближение жанров шло до тех пор, пока – к середине 1930-х годов, – казалось, не исчезли границы между ними» [Карлтон, 2000: 349].

Примеривая маску замороженного философа, Ю.К. Олеша пишет про муху, которая, направляясь к потолку, не ощущает себя летящей вверх ногами, на потолок она *опускается* [Олеша, 2006: 47]. Здесь обыгрывается мысль о том, что пространственные ориентиры зависят от точки зрения на них.

Уход от конкретности наблюдается не только в мифологизации пространства, но и в «периферийно-центрической» устремленности от столицы. В этом аспекте показательны романы А.Г. Малышкина «Люди из захолустья» и А. Чистякова «Задворки». Ю.К. Олеша писал о том, что «[л]учше быть первым в деревне, чем последним в городе» [Олеша, 2006: 44]. Хотя такая провинциализация пространства пугала автора – столичного писателя.

На первый взгляд, совершенно иначе относился к столице бывавший за границей И.Э. Бабель: «Ведет оригинальный образ жизни, в Москве бывает редко. Живет в деревне под Москвой, у какой-то крестьянки. Проводит в деревне все время. Керосиновая лампа. Самовар. Простой стол и одиночество» [Полонский, 1989: 197]. Такая позиция любопытным писателем выбрана не случайно. Москва для всегда тоскующего по родине одессита становилась способом добычи денег (см. сетования «обманутых» редакторов на взятые под обещанные произведения авансы).

В то же время топос власти всегда держал в напряжении автора «Конармии», служившего в ЧК: «Его жадность к крови, к смерти, к убийствам, ко всему страшному, его почти садическая страсть к страданиям ограничила его материал. Он присутствовал при смертных казнях, он наблюдал расстрелы, он собрал огромный материал о жестокости революции. Слезы и кровь – вот его материал. Он не может работать на обычном материале, ему нужен особенный, острый, пряный, смертельный» [Полонский, 1989: 198].

Несмотря на выбранную в стратегиях бытового поведения роль постороннего, отношение И.Э. Бабеля к Москве открывает общие черты столичного города 1920–1930-х годов. В оппозиции к двойникам (Одессе, Петербургу) Москва наделяется негативной семантической окраской и одновременно как город будущего обладает особым магнетизмом, лишаящим жизни, но не отпускающим советских писателей (см. Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 г.).

Библиографический список

1. Балина, М. Литература путешествий // Соцреалистический канон / Сб. статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 896–909.
2. Булгаков, М.А. Собр. соч.: в 5 т. / М.А. Булгаков. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1989–1990.
3. Булгаков, М., Булгакова Е. Дневник мастера и Маргариты / М. Булгаков, Е. Булгакова. – М.: Вагриус, 2001. – 560 с.
4. Воспоминания о Юрии Олеше. – М.: Советский писатель, 1975. – 304 с.
5. Гоголь, Н.В. Петербургские записки 1836 года / Н. В. Гоголь // Собр. соч.: в 4 т. – Т. 4. – М.: Правда, 1968. – С. 97–110.
6. Зошенко, М.М. История одной перековки / М.М. Зошенко // Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, Фирина. – М.: ОГИЗ, 1934. – С. 491–524.
7. Карлтон, Г. На похоронах живых: теория «живого человека» и формирование героя в раннем соцреализме / Г. Карлтон // Соцреалистический канон / Сб. статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 339–351.
8. Куляпин, А.И., Скубач, О.А. Москва моя – страна моя: столица и провинция в советской модели мира / А.И. Куляпин, О.А. Скубач // Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920–1940-х гг. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – С. 8–18.
9. Лотман, Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. Вып. 181. – Тарту, 1965. – С. 210–216.
10. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – С. 208–220.
11. Олеша, Ю. К. Книга прощания / сост., предисл., примеч. В. Гудковой / Ю.К. Олеша. – М.: Вагриус, 2006. – 480 с.
12. Паперный, В. Культура «два» / В. Паперный. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 382 с.
13. Полонский В.П. Из дневника 1931 года / В.П. Полонский // Воспоминания о Бабеле. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 195–199.
14. Рыклин, М. Метродискурс / М. Рыклин // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 713–728.
15. Смирнов, И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон / Сб. статей под общей редакцией

- Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 16–30.
16. Сухих, И.Н. Примечания / И. Н. Сухих // Зощенко М.М. Голубая книга / Собр. соч. – М.: Время, 2008. – С. 733–808.
 17. Чуковский, К.И. Дневник (1901–1929). / К.И. Чуковский. – М.: Советский писатель, 1991. – 544 с.
 18. Ямпольский, Б. Арбат, режимная улица. / Б. Ямпольский. – М.: Вагриус, 1997. – 431 с.